

Перспективы развития союзной шерстяной промышленности

Пути развития союзной шерстяной промышленности представляются значительно более сложными, чем для большинства других отраслей текстильного производства. Причины этого кроются в том наследстве, которое получено от дореволюционного прошлого.

Будущие исследователи истории шерстяной промышленности дореволюционного периода, заметим, кстати, весьма мало изученной, безусловно обратят внимание на целый ряд противоречий в ходе ее развития. Большую часть означенных явлений следует приписать тому, что вокруг этой отрасли в течение 200 лет происходила борьба интересов отдельных правящих групп.

Начало шерстяной промышленности было положено государственной властью, передавшей свое начинание инициативе частного промышленного капитала. Однако, спустя самый короткий срок, шерстяная промышленность оказалась в руках дворянского аграрного капитала, который сильно затормозил ее развитие, но создал твердую сырьевую базу. В 80-х годах промышленный капитал поглотил дворянскую фабрику, но сам оказался в зависимости от торгового капитала и систематически подрывал собственную базу, отдавая явное предпочтение импортному сырью. В дальнейшем, противоречия торгового и промышленного капитала внесли диспропорцию в отдельные отрасли шерстяного производства, в ход развития отдельных районов. Одновременно государственная власть, с одной стороны, поддерживая суконную промышленность, как имеющую оборонное значение, с другой, проводила жесткий фискальный нажим. В результате, к началу войны шерстяная промышленность представляла собою ряд отраслей производства, не увязанных ни между собою, ни с общим ходом экономического развития страны.

В целях иллюстрации высказанного положения приведу несколько конкретных примеров.

Первичная стадия обработки шерсти — шерстомойное производство, дававшее заработок не одной тысяче рабочих, при переходе на импортную шерсть, было убито установлением единой ставки пошлины в 180 рублей с тонны грязной и мытой шерсти. Все попытки добиться снижения ставки для грязной шерсти хотя бы до 90 рублей отклонялись исключительно благодаря противодействию

группы овцеводов, членов Государственного совета, опасавшихся, как бы это не послужило прецедентом вообще для снижения пошлины на шерсть.

Аналогичное явление можно было наблюдать в сфере железнодорожной тарифной политики. Поддерживая грубосуконную промышленность Центрального района, как главный оплот военных заказов, и давая ей ряд преимуществ перед польской промышленностью, правительство однако установило одну общую ставку жел.-дор. тарифа для всех шерстяных тканей, благодаря чему основной артикул грубосуконных фабрик — бобрин, товар исключительно крестьянский, требующий в целях сохранения ворса ящичной упаковки, не выдерживал дальних перевозок, составлявших, например, при отправке из Клинцов до Иркутска 28% стоимости самого товара. В то же время более ценные и более легкие польские товары прекрасно выдерживали этот маршрут.

Примером диспропорции отдельных производств может служить прядильное и ткацкое камвольное производство Центрального района. В Центральном районе сосредоточивалось 22% прядильного производства и 60% ткацкого. Отсюда, как будто, можно сделать предположение, что прядильное производство было менее рентабельно, между тем, комиссия по пересмотру таможенного тарифа 1912 г. установила, что прядильные фабрики имели в среднем за пятилетие 9,8%, в то время как ткацкие только 4,64%. Слабое же развитие прядильного производства объяснялось влиянием торгового капитала, державшего в руках пряжный рынок и регулировавшего его по своему усмотрению, то увеличивая, то сокращая импорт заграничной пряжи. Напр., в 1911 г. импорт пряжи составлял 9,9 тыс. тонн, а в 1912 г. только 6,0 тыс. тонн, т.-е. на 33% менее.

В результате целого ряда аналогичных противоречий, с одной стороны — колоссально развивались кустарные промыслы, занимавшие до 137 тыс. человек, вызывавшие оседание шерсти свыше 53% годового валового выхода, с другой стороны — тонкошерстная суконная и камвольная промышленность, несмотря на наличие благоприятных условий для собственного овцеводства, из года в год переходила на импортное сырье, а частью и на полуфабрикаты.

В виду того что означенное явление оказало сильнейшее влияние на судьбу нашей союзной шерстяной промышленности и имело для нее самые серьезные последствия, приведу сведения, характеризующие соотношение импорта и экспорта за последние три года перед войной.

И м п о р т

Годы	Шерсть		Пряжа шерст.		Готов. изделия тыс. руб.	Итого млн. руб.
	тыс. тонн	тыс. руб.	тыс. тонн	тыс. руб.		
1911 . . .	47,7	48.535	9,6	25.267	14.649	88,4
1912 . . .	45,4	49.783	6,0	16.102	14.578	80,4
1913 . . .	55,4	60.399	7,8	18.950	15.225	94,5

Э к с п о р т

Годы	Шерсть		Изделия тыс. руб.	Итого млн. руб.	Сальдо млн. руб.
	тыс. тонн	тыс. руб.			
1911 . . .	14,2	8.045	3.411	11,4	— 77,0
1912 . . .	19,2	11.225	2.763	13,9	— 66,4
1913 . . .	17,5	10.663	2.695	13,3	— 81,2

Как видно из приведенной таблицы, пассивность баланса в последний год дошла до 81 млн. руб., т.-е. составила около 58 коп. на душу населения.

Означенное явление создалось как результат систематического сокращения внутреннего тонкорунного овцеводства. Для наглядности приведу параллельные сведения роста импорта и падения тонкорунного овцеводства в Европейской России.

Годы	Привоз шерсти в среднем в 1 год		Годы	Число тонкорунных овец в Европейск. России млн. голов
	тыс. тонн	тыс. руб.		
1881—1890 . . .	6,1	6.892	1882 . . .	12,0
1891—1900 . . .	16,0	13.009	1897 . . .	6,4
1901—1910 . . .	32,3	27.436	1902 . . .	4,8
1911—1913 . . .	49,5	52.906	1913 . . .	2,1

Несмотря на указанные огромные валютные затраты, душевое потребление шерстяных тканей в России было ничтожно.

По подсчетам комиссии по выработке пятилетних гипотез довоенное потребление населения, в пределах современного СССР, определялось следующими цифрами (в млн. м):

Название тканей	Производство	Привоз	
		заграничный и польский	Потребление
Грубосуконные	21	3	24
Тонкосуконные	18	14	32
Камвольные	44	22	66
Итого	83	39	122

В означенное количество вошли также ткани особого назначения военные, технические и т. п. За вычетом этих товаров действительное потребление гражданского населения определялось по грубосуконным — 18 млн. м, по тонкосуконным — 28 млн. м и по камвольным — 65 млн. м. При переводе на душевое потребление получается совершенно ничтожная величина, которая дополнялась массовым потреблением в крестьянском быту кустарных изделий.

Война в корне изменила структуру шерстяной промышленности. После отпадения западных районов в СССР осталось только 33% веретен прядильных и около 60% ткацких станков. Внутренняя тонкошерстная сырьевая база упала до 700 тонн. Грубошерстное овцеводство оказалось более стойким, но в силу целого ряда обстоя-

тельств, продолжительной загрузки промышленности исключительно казенными заказами, дороговизны фабричных изделий, медленного темпа развития госпромышленности; при большом валовом выходе шерсти, товарность ее тоже сократилась до 20% общего выхода. В виду указанного обстоятельства, по мере развертывания производства пришлось прибегать к усиленному импорту восточных шерстей даже для грубосуконной промышленности, не говоря уже о тонкосуконной и камвольной, оказавшихся вынужденными почти на 90% работать на импортном сырье.

Таким образом, те организационные неувязки между ростом промышленности и развитием отдельных ее частей, которые мы отмечали в довоенное время, оказались в еще более резкой степени в полной силе и в настоящее время. Благодаря же отпадению почти 56% шерстяного производства и вынужденному вследствие этого бездействию целых групп некомбинированных предприятий, гражданский рынок оказался в значительно более тяжелом положении, чем даже в довоенное время.

Начиная с весны 1925 г., рынок находится в состоянии перманентной дефицитности шерстяных товаров. Новые условия жизни и оплаты труда рабочего и крестьянского населения выдвинули целый ряд новых потребителей, которые систематически, из года в год, увеличивают требования, предъявляемые к рынку. Бюджетные обследования рабочих и служащих показывают, что по мере улучшения материального положения потребности в шерстяных тканях обгоняют все остальные потребности. По чрезвычайно интересным подсчетам Г. Полляк („Шерстяное Дело“, № 4—5 за 1925 г.), выясняется, что высшая бюджетная группа рабочих, тратившая сравнительно с низшей группой в 4 раза больше на общие расходы и на приобретение хлопчатобумажных тканей, эта же группа на покупку шерстяных тканей тратила в 13 раз больше, а соответствующая группа служащих даже в 18 раз больше. Такое же значительное увеличение затрат на шерстяные ткани показывают крестьянские бюджеты. Поэтому шерстяные ткани, несмотря на свой весьма высокий индекс (тонкосуконные — 2,241, грубосуконные — 2,661, камвольные — 2,951) — являются перманентно дефицитными, вне зависимости от сезона и даже от сорта.

Намеченная последней пятилеткой ВСНХ производственная программа мало окажет содействия устранению означенной дефицитности (в млн. м):

	1927/28 год			1931/32 год	
	Довоенное потребление	Произв. програм.	Пятилетн. план	Пятилетн. план первый вариант	Пятилетн. план последн. вариант
Грубосуконная . .	24	18,5	20	28	28,4
Тонкосуконная . .	32	25,6	24	28	29,5
Камвольная . . .	66	47,9	48	66	69,7
Итого . . .	122	92,0	92	122	127,6

Из приведенной таблицы видно, что производство к концу пятилетки будет близко к довоенному потреблению, в то время как количество населения увеличится с 141 млн. до 155, т.е. на 10%.

В то же время следует с полной определенностью признать, что существующие нормы потребления в ближайшем будущем ни в какой степени не смогут удовлетворять население. Об этом заявляют все распределяющие промтовары организации, об этом же свидетельствуют изучения потребительских бюджетов. С. А. Алкснер („Шерстяное Дело“, № 6—7 за 1928 г.) делает весьма интересный подсчет в этом направлении.

Если следовать запроецированным Госпланом цифрам относительно численности населения и предполагаемого повышения доходности, то следует признать, что общий душевой доход в течение ближайших пяти лет должен возрасти с 152 р. (1926 г.) до 181,1 р. (1931 г.), т.е. на 22%, откуда, согласно тенденции, устанавливаемой бюджетными обследованиями, можно сделать вывод, что расход на шерстяные ткани возрастет на 30%. Учитывая прирост населения за этот период на 11%, общий прирост спроса на шерстяные ткани в ценностном выражении составит 45%, в том числе городского населения на 57,5% и сельского на 29%.

К таким же, в общем, выводам следует прийти, сравнивая бюджеты русского рабочего с иностранными. Г. Полляк („Экон. Обзор“, март 1927 г.), сравнивая бюджеты русского и американского рабочего, устанавливает, что в количественном отношении потребление шерстяных тканей американского рабочего на 313% выше русского. Принимая во внимание быстрый рост доходного бюджета русского рабочего и уже отмеченную тенденцию увеличивать затраты на шерстяные ткани, нельзя не признать, что с этой стороны будет предъявлено особенно настойчивое требование.

Из отдельных отраслей шерстяной промышленности, при существующем сырьевом положении, наиболее устойчивой и имеющей большие шансы на развитие, казалось бы, можно признать грубосуконную.

Однако, нельзя не признать, что ее развитие совершается слишком медленно, а во-вторых, вырабатываемый ею ассортимент не может покрыть требований, предъявляемых потребительским рынком. Например, из всех приведенных соображений видно, что на рынке будет сильный спрос городского населения. Если же посмотреть программу треста грубых сукон, намеченную по пятилетке, то увидим, что из назначенной выработки 21 млн. на долю гражданской выработки приходится только 14 млн. м. Из них ворсового товара 5,6 млн., безворсного сукна 4,8 млн. м и костюмных товаров только 3,57 млн. м.

Само собою разумеется, что городское население не может удовлетвориться таким ничтожным количеством костюмного товара и, естественно, что этот недостаток должен быть пополнен тонкосуконной промышленностью.

Усиленный рост городского спроса, перманентная дефицитность костюмных и пальтовых товаров выдвинули тонкосуконную промышленность из ряда остальных отраслей, как требующую особого ускоренного темпа расширения.

В то же время камвольная промышленность, имеющая большие резервы ткацкого и отделочного оборудования, вполне основательно требует развития своей прядильной базы. Развертывая свою прядильную промышленность, камвольное производство обгоняет остальные отрасли и может к 1932 г. довести выработку до 89 млн. м.

Обе тонкошерстные отрасли, имеющие более высококвалифицированный технический персонал, наиболее подготовлены к расширению производства. Однако, обе они базируются почти на 90% на импортном сырье, и потому слишком поспешное развитие грозит им ежеминутным срывом работы.

Таким образом, в шерстяной промышленности мы имеем налицо два противоположных явления. Грубосуконную промышленность, имеющую и весьма мало использующую свою сырьевую базу, но слабо развитую и в экономическом отношении маломощную, и тонкошерстную, развитую и подготовленную технически для дальнейшего развития, но не имеющую в данное время своей сырьевой базы.

В поисках разрешения проблемы дальнейшего развития русской шерстяной промышленности, благодаря указанному противоречию, выработались две крайние точки зрения. Одна считает, что все внимание и все силы должны быть брошены на развитие грубосуконной отрасли и на борьбу с оседанием шерсти в крестьянском хозяйстве, путем доведения размеров выработки до полного насыщения рынка. С другой точки зрения — грубошерстное овцеводство признается отжившим свой век и подлежащим замене облагороженными породами овец, которые дадут и шерсть и мясо, и дадут сырье для более прогрессивного с технической стороны камвольного производства и для тонкосуконной промышленности.

Означенные точки зрения, претендующие на большую оригинальность и самобытность, при ближайшем рассмотрении оказываются имеющими много общего, и прежде всего то, что связывают судьбу промышленности с проблемой овцеводства.

Ошибочным в обоих направлениях является то, что совершенно отрицаются требования потребителя, как такового, и не учитываются естественные потребности населения, которые различны в сельском крестьянском быту и в жизни городского населения.

Если встать на точку зрения потребителя, для которого не так важна принципиальная сторона вопроса, как практическое его разрешение, то необходимо признать, что в условиях народного хозяйства СССР потребность во всех видах шерстяных тканей будет еще долго напряженной. В то же время следует со всей категоричностью признать, что многообразные условия крестьянского хозяйства в различных климатических условиях не дают никаких осно-

ваний, позволяющих предположить возможность однообразного овцеводного хозяйства, с одинаковыми или даже близкими к однородности породами овец. Это последнее обстоятельство совершенно разумно учитывается НКЗ, и потому его перспективный план содержит два рода мероприятий, одни к созданию исчезнувших из нашего народного хозяйства тонкорунных стад, другие — к улучшению и поддержанию существующих грубошерстных пород, в их лучших отраслях.

Однако, все, даже самые лучшие мероприятия требуют для своего проведения весьма значительного периода времени, и в этот период промышленность может оказаться в таком безвыходном положении или получить такой нездоровый уклон, который в дальнейшем трудно будет исправить, если вообще исправление будет возможно. Поэтому чрезвычайно важно заранее учесть, на что может промышленность рассчитывать при завершении намеченных мероприятий и каким образом должна она пережить тяжелый подготовительный период.

Согласно последнему варианту пятилетки, как уже приводилось выше, намечается приблизительно равномерное развитие обеих отраслей промышленности.

Годы	Намеченная выработка в тысячах метров		
	Грубосук.	Тонкосук.	Камвольн.
1927/28	18.420	24.400	39.312
1928/29	20.655	25.800	45.736
1929/30	23.115	27.100	52.410
1930/31	25.845	28.300	60.015
1931/32	28.435 (55%)	29.500 (20%)	69.798 (76%)
Увеличение	55%	55%	

Из приведенной таблицы видно, что несмотря на то, что темп развития обеих отраслей, тонкошерстной и грубошерстной, почти одинаков, в самой тонкошерстной отрасли камвольное производство обгоняет тонкосуконное, как-раз вопреки намеченной нами тенденции потребительского рынка.

Для осуществления означенной программы потребуется следующее количество шерсти (в тыс. тонн):

Годы	Тонкой		Полугрубой		Грубой	
	тыс. тонн	% увел.	тыс. тонн	% увел.	тыс. тонн	% увел.
1926/27	7,23	—	4,78	—	22,33	—
1927/28	9,05	25,3	4,50	—	22,93	2,6
1928/29	10,17	12,3	5,80	28,8	25,58	11,5
1929/30	13,25	30,0	7,00	20,6	27,79	8,6
1930/31	15,62	17,8	7,50	7,1	30,80	10,8
1931/32	18,62	19,6	8,30	10,6	33,14	7,5

Кроме шерсти, потребуется получение извне топса (чесаной шерсти) и пряжи. В 1927/28 г. топса 2.115 тонн и пряжи 2.198 тонн.

В 1931/32 г. топса 4.058 тонн и пряжи 352 тонны. Отсюда следует сделать вывод, что прядильное производство подтягивается к ткацкому, разрыв же между чесальным и прядильным не только остается, но и продолжает расширяться,— почти на 100%.

В виду того что темп развития внутренней сырьевой базы будет отставать, обе отрасли производства будут в течение всего пятилетнего срока в значительной мере базироваться на импортном сырье (в %):

	1927/28 г.	1931/32 г.
Грубошерсти. промышл.		
Внутреннее сырье	60	70
Импортное	40	30
Тонкошерстная промышл.		
Внутр. сырье (тонк. и полугр.)	7	43
Импортное	93	57

В ценностном отношении импорт для грубошерстной промышленности составит в обоих случаях, приблизительно, одинаковую сумму — около 10—12 млн. руб., а для тонкошерстной промышленности полная ее потребность для 1928 г. составит около 90 млн. руб., а для 1931/32 г. — около 115 млн. руб. Таким образом, пассивность баланса составит свыше 100 млн. руб., т.-е. на 20% выше пассивности довоенного баланса.

Однако, приведенные данные отмечают и отрадное явление, что относительный рост импорта сокращается и что, следовательно, внутренняя сырьевая база начинает оздоравливаться.

До самого последнего времени статистика по овцеводству оставалась желать лучшего. Только повторные обследования позволили, наконец, с большей или меньшей вероятностью установить достоверные цифры.

Ниже я привожу сведения, в основу которых положены данные ЦСУ, согласованные со сведениями НКТорга СССР.

	1913 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Общее число овец (в млн.)	111,0	103,7	113,7	121,2	127,0
В том числе:					
Грубошерстных	106,7	103,1	113,0	120,0	125,15
Мериносных	4,3	0,5	0,7	0,8	1,03
Полугрубых	—	—	—	0,45	0,82

Характерно отметить, что несмотря на то, что счетный аппарат имеется, в сущности, только у ЦСУ, отдельные ведомства ведут свои собственные исчисления овец путем различных гипотетических предположений, благодаря чему вносят совершенно ненужную множественность данных, не имеющих за собой ничего, кроме кабинетных предположений. В этом отношении, в порядке упрощения отчетности, безусловно нужно внести единообразие. Для характеристики приведу, например, сведения об овцеводстве пятилетки ВСНХ и НКЗ.

	1926 г.	1927 г.
ЦСУ	113,0	121,3
НКЗ	100,5	105,8
ВСНХ	106,7	115,8

Из приведенных данных явствует, что затрачено, очевидно, много усилий на получение таких априорно выводимых сведений, но жизнь далеко ушла от них, что и отмечено сведениями ЦСУ.

Указанное выше огромное поголовье стада дает весьма большой валовой выход шерсти. В 1927 г. он составлял:

	Тыс. тонн
Общий валовой выход в оригинальном виде	160,1
В том числе:	
Грубой	152,4
Тонкой	3,2
Верблюжьей	5,5
Из общего выхода осело у населения	115,5 (72,8%)
Товарный выход шерсти составил	44,6 (27,2%)
В том числе:	
Заготовлено обществ. сектором	30,5
Частн. промышл.	14,1

Таким образом, госпромышленность, в сущности, имела возможность использовать только 19% выхода шерсти. Приведенные цифры оседания, несмотря на бросающиеся в глаза огромные размеры, имеют полное основание претендовать на признание их достоверными, так как произведенные ЦСУ совершенно другим методом подсчеты (по бюджетным обследованиям) показали то же оседание шерсти—в 1925/26 г.—80,6% и в 1926/27 г.—73,6% („Стат. Обзор.“, № 9, ст. Нифонтова).

Из приведенных данных ясно видно, что при таком незначительном использовании внутреннего сырьевого контингента у грубошерстной промышленности есть полные основания рассчитывать на многолетнее ежегодное увеличение внутренних заготовок тем более, что по скромному перспективному плану НКЗ, который уже в 1927 г. отстал от жизни на 15%, даже по этому плану, при отсутствии всяких мероприятий в области грубошерстного овцеводства, намечается в районах промышленного овцеводства увеличение валового сбора шерсти ежегодно на 1,8%. При условии же проведения некоторых мероприятий, в настоящее время уже санкционированных СТО, „продукция грубой шерсти в СССР должна увеличиться не менее чем на 50%“.

Дефицитность или избыток грубых шерстей (внутренней товарности) при условии ежегодного увеличения потребления с 1931 г. на 5%.

Годы	Без проведения мероприятий		При осуществлении мероприятий	
	тыс. тонн	тыс. руб.	тыс. тонн	тыс. руб.
1931	— 15,9	— 9.701	— 6,5	— 4.010
1934	— 4,4	— 2.680	+ 30,2	+ 18.420
1937	— 12,5	— 7.650	+ 25,0	+ 15.850

В „Торг. Пром. газ.“ от 18/1 1928 г. опубликовано соответствующее постановление СТО. Таким образом, следует признать, что в той или иной степени намеченные мероприятия осуществлены будут, и следовательно, уже с 1932 г. грубошерстная промышленность может рассчитывать не только на полное снабжение, но и на освобождение от импортной зависимости. Учитывая приведенные выше соображения о емкости рынка, можно с определенностью признать, что эта отрасль имеет все основания для дальнейшего многолетнего развития.

Восстановление сырьевой базы для тонкосуконной и камвольной промышленности значительно сложнее, потребует долгого времени и значительных средств, около 120 млн. руб.

Восстановление овцеводства намечено как в своем чистом виде, так и путем метизации с грубошерстными породами, в целях ускорения процесса роста стада.

По плану, утвержденному СТО, намечен следующий темп развития:

Годы	Число овец		Колич. шерсти в ориг. виде	
	Тонкорун. (тыс. голов)	Полугруб. (тыс. голов)	Тонкой (тыс. тонн)	Полугруб. (тыс. тонн)
1927	860	450	3,2	0,90
1928	1.033	820	3,7	1,63
1929	1.240	1.235	4,5	3,2
1930	1.488	1.985	5,4	5,6
1931	1.785	2.800	6,5	8,6
1932	2.224	3.890	8,3	12,7
1933	2.962	5.210	11,1	17,0
1934	4.239	6.655	15,9	21,8
1935	6.686	7.650	24,8	25,3
1936	9.406	8.720	35,3	28,5
1937	13.530	9.995	52,7	32,7

По подсчетам НКЗ выход шерсти будет значительно больше на 22—30%.

Беря минимальные выходы шерсти, намеченные ВСНХ, получаем следующую картину динамики шерстяного выхода:

Годы	Увеличение в % к прошлому году		Годы	Тонкой	Полугрубой
	Тонкой	Полугрубой			
1928	17,9	81,2	1933	33,3	33,9
1929	19,3	100	1934	43,4	27,9
1930	21,0	72,5	1935	53,5	16,5
1931	20,2	52,2	1936	42,6	12,6
1932	27,5	47,9	1937	49,1	14,0

Принимая во внимание, что темп развития промышленности намечался в пределах 10% ежегодного прироста, следует признать, что если намеченная программа будет осуществлена, тонкошерстная промышленность будет быстро освобождаться от импортной зависимости. Но в данном случае есть существенная разница от положения грубошерстной промышленности, там овцеводная база уже имеется и там одно улучшение метода заготовок в значительной

степени разрешает кризис, в то время как тонкошерстной промышленности еще предстоит создавать базу, и при этом не исключена возможность частичных неудач и просчетов.

Поэтому, признавая за тонкошерстной промышленностью полное право на существование и развитие и считая, что решение СТО в значительной степени разрешило проблему дальнейшего роста тонкошерстной промышленности, необходимо, тем не менее, с полной определенностью признать, что в смысле темпа развития необходимо соблюдать сугубую осторожность. И, прежде всего, необходимо твердо проработанный перспективный план, крепко увязанный с остальными отраслями народного хозяйства.

К сожалению, в отношении шерстяной промышленности нет не только крепкого плана, но по большинству основных вопросов нет даже договоренности.

Каждое ведомство проектирует по своему. Например, даже проект восстановления овцеводства, только что утвержденный СТО, о котором говорится выше и который утвердил контрольную цифру тонкорунного овцеводства на 1937 г. в 13.530 тыс. голов. Даже этот декрет имеет уже разные толкования. На основании одного и того же поголовья овец НКЗ, автор проекта, выводит валовой выход шерсти в оригинале в 67,7 тонн (см. „Перспективный план НКЗ“, табл. V). ВСНХ на основании того же поголовья выводит валовой выход в 53,7 тонн (см. „Контрольн. цифры пятил.“, табл. 8). Расхождение больше чем, на 20%, что составляет в сумме около 27 млн. руб. Как можно говорить об уточнении программы, когда ведомства не могут договориться между собою даже о контрольных цифрах.

Противоречия имеются и по ряду других вопросов. Например, признано желательным привозить импортную шерсть в грязном виде, чтобы избежать валютных затрат на первичную обработку. В намеченной же программе импорта, как мы уже видели, допускается огромное увеличение привоза топса, т.е. не только мытой, но и чесаной шерсти. Еще большая неувязка в области нового строительства, когда при наличии бездействующего оборудования проектируются новые, весьма сомнительные по своей рентабельности фабрики. Всем этим неувязкам пора положить конец.

Как мы видели, шерстяная промышленность имеет очень устойчивые предпосылки для своего развития, огромную, обещающую в дальнейшем еще больше вырасти, емкость рынка, колоссальные неиспользуемые возможности извлечения грубых шерстей на внутреннем рынке, возможность без полной валютной оплаты втянуть в сферу своего влияния восточные шерстяные рынки, возможность в дальнейшем шерстяного экспорта и транзита, наконец, полную возможность восстановить свое тонкорунное овцеводство. Последнее постановление СТО подводит под эти возможности вполне реальный фундамент.

Однако, при всех этих благоприятных условиях, благодаря отсутствию общего плана, вполне возможен самостоятельный рост отдельных отраслей и даже предприятий, который приведет к самым отрицательным результатам.

Шерстяная промышленность имеет много отраслей, она сложна по структуре, захватывает целый ряд сторон народного хозяйства, в ее развитии заинтересованы многие группы населения. И совершенно правильно, что в последнее время — к сожалению, только в последнее — ей начинают уделять должное внимание. Весьма желательно, чтобы часть этого внимания была обращена на выработку плана ее развития. До сих пор, пока вопрос о сырьевой базе для нее не был разрешен, вопрос об ее плановом развитии не имел такой остроты. В настоящий момент это вопрос первоочередной и весьма актуальный.

Подводя итоги всему сказанному, можно сделать следующие выводы о перспективах дальнейшего развития шерстяной промышленности.

1) Шерстяная промышленность имеет чрезвычайно большие перспективы в смысле устойчивости спроса, при чем особенно сильный спрос будет наблюдаться на пальтовые и костюмные товары.

2) Путем рационализации и частичного обновления на существующих предприятиях можно достичь значительного увеличения выпуска товара.

3) В отношении снабжения сырьем, грубошерстная промышленность уже имеет достаточно развитую сырьевую базу, которая безусловно может быть расширена за счет естественного прироста стада, улучшения племенного состава, улучшения методов заготовок, что вполне подтверждается опытом текущего года (1928 г.), когда контингент подлежащей заготовке шерсти увеличивается на внутреннем рынке на 75%.

4) Тонкошерстная промышленность имеет в перспективе реальную возможность создания собственной сырьевой базы, но в течение ближайших 5 лет будет находиться в зависимости от импорта.

5) Благодаря указанным обстоятельствам построение перспективного плана для шерстяной промышленности является весьма сложным и требует индивидуального подхода к отдельным отраслям.

В настоящее время на основах довоенного наследства наблюдается неравномерное развитие отдельных отраслей и даже предприятий. В виду того что эта диспропорция, по мере расширения капитальных работ, может разрастись, необходимо произвести серьезную проработку перспективного плана для шерстяной промышленности в целом, с учетом потребностей новых потребителей, сырьевой базы и технических возможностей, на основе максимального использования имеющегося оборудования.